

Тихоокеанская звезда
г. Хабаровск

МУЗЫКАЛЬНАЯ СЦЕНА ХАБАРОВЧАН

О МОСКОВСКИХ ГАСТРОЛЯХ ТЕАТРА МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ

Удивительно молодой и радостное ощущение оставили в сердцах москвичей недельные гастроли старейшего в своем жанре в нашей стране Хабаровского театра музыкальной комедии. Пятьдесят четыре года отделяют от нас первую премьеру театра, который во многом определял поиски и свершения других аналогичных коллективов, появившихся в то время, когда Хабаровский театр уже достиг своей зрелости.

Перед москвичами гости из Хабаровска выступали впервые, и эта столетняя неделя в «Зеркальном театре» подводила итог двухмесячным гастролям театра. Говоря о впечатлениях, оставленных пятью спектаклями, показанными коллективом, хочется сразу напомнить знаменательные слова К. С. Станиславского о высокой ответственности и требовательности к актеру, выступающему в «веселом» или, как его часто называют, «легком» жанре: «Голос, дикция, жест, движение, легкий ритм, бодрый темп, искреннее веселье — необходимы в легком жанре. Мало того — нужны искусство и шик, которые дают произведению пикантность, без которого шампанское становится кислой водичкой».

Перед нами выступали поющие актеры, исполнители органичные, остро разрабатывающие доверенные им характеры, уверенно чувствующие себя и в вероке, и в диалоге, и в мизансцене, и в движении, а потому-то им оказываются по силам многообразные жанровые повороты, каждый из которых по-своему становится творческим экзаменом на зрелость для всего коллектива в целом. На гастрольной афише пять спектаклей, и каждый из них — индивидуальный жанр внутри общего жанра, причем с ярко выраженной современной направленностью и тематической, и метафорической, и в плане выразительных средств. Музыкально-героическое обозрение «Звездный час» (пьеса В. Шульжика, композитор В. Гроховский), посвящено молодым строителям БАМа. Казачья музыкальная комедия «Бабий бунт» (пьеса К. Васильева и М. Пляцковского, композитор Е. Птичкин). Классическая оперетта К. Зуппе «Донья Жуанита». Комическая опера Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена» (к сожалению, решенная скорее как оперетта, что возможно, хотя и представляется в данном случае спорным). Наконец мюзикл М. Ли «Человек из Ламанчи» — в строгом соответствии со всеми сложными законами этого непростого жанра.

Разаумеется, такое знакомство не может не настраивать на самый добрый лад, хотя позволю себе сразу же заметить, что спектакли неравноценны. И прежде всего неравноценность спектаклей в основном касается драматургии, к которой обратился театр (с музыкой все обстоит благополучно), а также некоторых сторон режиссуры и сценографии. Актерски же труппа раздута обилием ярких индивидуальностей, принадлежащих разным поколениям. Из ветеранов особо отметим народную артистку РСФСР З. Гримм-Кислицину, которая в двух совершенно контрастных ролях — манерной губернаторши Олимпии в «Донье Жуаните» и

обыкновенной казачки Марфы в «Бабьем бунте» создала характеры острые, со своей интонацией, своим обаянием, шармом, элегантностью и завидным чувством юмора.

В целом труппа театра состоит из молодежи. Актеры поющие и танцующие, обладающие красивыми и сильными голосами, сценически выразительные, живущие в музыкальном жанре на предельной искренности и естественности. З. Макашина (главная героиня «Бабьего бунта» и Дульсинья в «Человеке из Ламанчи»), Т. Драчук (героиня «Прекрасной Елены»), Р. Ибрагимова (Дуняшка в «Бабьем бунте» и Порция в «Прекрасной Елене»), В. Симонов (Жуан в «Донье Жуаните», Парис в «Прекрасной Елене», казак Семья, милиционер в «Звездном часе»), заслуженный артист РСФСР И. Желтоухов (Санчо Панса и Калхаз, казак Стешка, шофер Сидор в «Звездном часе»), Ю. Тихонов (инженер — мостостроитель Владимов в «Звездном часе», казак Федот, доктор Караско в «Человеке из Ламанчи», Плутон в «Прекрасной Елене»)...

Наиболее цельное впечатление оставили два спектакля, и каждый из них по-своему принципиален. Это первое в нашей драматургии и на сцене музыкального театра обращение к романтико-героической теме строительства Байкало-Амурской магистрали («Звездный час»). Герои спектакля — молодые люди, словно выхваченные из самой жизни во всех ее сложностях, контрастах, поисках, радостях, переживаниях и т. д. В основе пьесы В. Шульжика — точная очерковость, глубоко проблемная, со знанием дела и пониманием людей. Песенная, отмеченная высокой музыкальностью партитура точно встала в ряд с драматургией, и четкие режиссерские руки направили общий поиск по верному и выразительному пути. Причем, а это касается и других спектаклей, очень важную роль играют хор, вокальный ансамбль из хора, и работа главного хормейстера театра Л. Тубкис представляется безупречной. Хор свободно чувствует себя и в современной песне, и в парафразах и интонациях на темы казачьего фольклора, и в изысканной стилистике Оффенбаха или Зуппе, не говоря уже об очень своеобразном музыкальном языке современного американского мюзикла. Кстати, мюзикл «Человек из Ламанчи» — второй из самых цельных спектаклей, показанных гостями из Хабаровска в Москве.

Тем не менее, сказав о наших гостях немало самых высоких слов, нельзя не сказать и слов менее приятных. Скажем, если в «Донье Жуаните» театр весьма тщательно поработал над текстом пьесы С. Болотина и Т. Сикорской, что пошло на пользу спектаклю (надо было убрать лишнее — это есть и в московской редакции музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, а ведь именно эта постановка была перенесена на хабаровскую сцену), то в «Бабьем бунте» — представлении ярком, темпераментном, колоритном есть проявления сомнительного вкуса в диалогах и «ударных» репликах, а также и в стихотворных текстах. Конечно, пьеса вторична по своей интриге и смыслу (была же комедия Аристофана «Женщины в народном собрании» или пьеса «Женский монастырь» В. Дыховичного и М. Слободского), но тем более парафраз сюже-

та требует более тщательной текстовой, литературной отделки, а этого нет.

Что касается «Прекрасной Елены», то пьеса В. Константинова и Б. Рацера, сильно отличающаяся от, условно говоря, классической версии С. Болотина и Т. Сикорской, не только весьма сорна текстуально, но перегружена диалогом, отчего музыка неожиданно отходит на второй план, комическая опера превращается в музыкальную комедию, к тому же еще и одобренную по поводу и без повода танцами дивертисментного характера, несмотря на желание сделать хореографию элементом сюжетным.

Как ни обидно признавать, но именно «Прекрасная Елена» в постановке Е. Туговинова оставила впечатление досадное и эклектичное, тем более, что и не все исполнители основных ролей оказались там в своей стихии. Скажем, в отличие от В. Симонова (Парис), второй исполнитель партии «возмутителя спокойствия» в Спарте А. Сергеев, несмотря на хорошие сценические и вокальные данные, невозмутимо спокоен, лишен темперамента, а потому и характера. А одаренная Т. Драчук хорошо ведет сценический и психологический рисунок Прекрасной Елены, но ее голос не соответствует характеру музыки, написанной Оффенбахом, и исполнительнице определенно не даются виртуозные моменты, колоратура — она тотчас становится скованной.

В «Донье Жуаните» неудачные костюмы — яркие, аляповатые, идущие вразрез с характерами персонажей, вразнобой одет и кордебалет, отчего ломается хорошая хореографическая линия спектакля. Нельзя не сказать и о том, что именно в спектакле на музыку Ф. Зуппе неожиданно статична массовка, которой принадлежит крайне важная идейная и сюжетная роль. Что же касается танцев, то наиболее интересны они в «Человеке из Ламанчи» и «Звездном часе» — современная хореографическая лексика, видимо, блуждающая и доступнее артистам балета, хотя испанский «каблучный» танец в «Донье Жуаните» (заслуженная артистка РСФСР Н. Ванзина) исполнен с большим блеском и изяществом.

Оркестр театра (дирижер Г. Климентьев) достойно выдержал экзамен на свободное владение разными музыкальными стилями, за исключением партитуры «Прекрасной Елены», где и отдельные звучания струнных, и особенно tutti с медью были подчас чрезмерными и противоречили полетности и прозрачности, а потому и поэтической проности музыки Оффенбаха. Надо заметить, что рядом с выразительным и точным образом дороги в «Звездном часе», очень блеклый, неинтересный «задник», обозначающий не только тайгу, но и то, что важнее, — атмосферу и место действия спектакля. Именно «обозначающий», а не создающий атмосферу.

Что же сказать, суммируя впечатления? Перед нами выступал ищущий, увлеченный коллектив. В его творчестве, насколько мы можем судить по пяти работам, много интересных находок, много доброй дерзости, фантазии. А издержки производства — они есть, но они устранимы в ходе жизни уже созданных спектаклей и в процессе работы над будущими.

Н. ЛАГИНА,
Москва.